

Алекс Сино

Червонец Кобылиивкера

Моя одесская подруга детства Люся Герасичкина может рассмешить любого. Смешнее Люси была только ее тезка из шоу «I Love Lucy» Люсиль Болл. Они очень похожи – обе высокие, стройные, голубоглазые, длинноногие и с потрясающим чувством юмора. Одно движение, прищур глаз – и ты хохочешь от пуза. Я часто вспоминал Люсины рассказы, переехав в Нью-Йорк.

Несколько лет назад Люся приехала погостить в Штаты. Мы встретились. С первой шуткой мне бросилась в глаза ее коронка из «червонного» золота.

– Люся, это безобразие необходимо исправить, – сказал я.

– Не напоминай мне об этом кошмаре. Саша Кобылиивкер мне до сих пор снится. Сейчас расскажу.

В середине 80-х из Одессы спешно уезжали врачи, инженеры, деловые, женщины и дети. Зубные врачи нарезали быстрее всех. На мое счастье на ул. Садовой в коммунальной квартире принимал еще не отъехавший доктор Семен Кобылиивкер. Посмотрев на мой разваливающийся зуб, он недолго попытал меня бормашиной и, как заправский военный, скомандовал:

– Срочно с золотым червонцем лети к Давиду Израилевичу в стоматологическую «скорую помощь» на Приморском бульваре, пока он еще не уехал.

Через неделю я, как зачарованная, наблюдала, как Давид Израилевич, дядя Додик, у себя дома на ул. Карла Маркса неподалеку от винного подвала «Два Карла» пропускает красивую золотую монетку со строгим профилем императора через вальцы, словно отжимая мокрое белье из стиральной машины.

Процедуру эту он повторял много раз, пока монета не превратилась в блестящий золотой язык. После этого дядя Додик уверенным движением бросил все, что осталось от монетки, на миниатюрные весы, одобрительно поцокал языком и попросил не звонить ему больше, а просто подъехать через два дня за коронкой в поликлинику на бульваре.

Забрав коронку, я примчалась к доктору Кобыливеру и позвонила в дверь три раза, как и было написано на старинном бронзовом звонке. Удивительно, но квартира была не заперта. Пройдя по коммунальному коридору и открыв дверь в кабинет доктора, я увидела абсолютно пустую комнату – ни бормашины, ни грязной кафельной плевательницы, ни стеклянного шкафчика со страшными орудиями пыток, ни потертого кресла, ни докторского стула. Посредине комнаты на задрипанной табуретке, покрытой пожелтевшей газетой «Вечерняя Одесса», печально сидел сын доктора Саша, меланхолично куривший косяк, свернутый из куска этой же газеты. Только отвратительный запах формалина напоминал о зубоврачебном кабинете Кобыливера.

– Папа уехал в Америку два дня назад, – мрачно сообщил Саша Кобыливер. – Оборудование забрали менты. Пациентами теперь занимаюсь я.

Я пропищала:

– Всего хорошего!

И направилась к выходу.

Но тут Саша неожиданно оживился, вскочил мне навстречу и пафосно заявил:

– Я студент второго курса мединститута и помогаю папе с детства. Садись в кресло и не выдумывай.

Поскольку кресло «забрали менты», я доверчиво села на грязную табуретку. Саша энергично потер руки (крана в комнате не было), достал из грязных штанов старый китайский фонарик и деловито заглянул мне в рот.

– Коронка готова?

– Да, – сказала я, доставая коронку из сумочки.

– Дядя Додик делал? Шикарная работа! Как всегда.

Эти слова меня успокоили.

Саша, насвистывая мелодию из «Скрипача на крыше», вышел из комнаты и быстро вернулся с допотопной ручной бормашиной на кожаном ремне с педалью и половиной резинового мячика с небольшим количеством воды, как у штукатуров. Положив мячик на пол, он надел бормашину на плечо и быстро затанцевал правой ногой на железной педали. Бормашина неохотно закрипела и закрутилась. Схватив меня за челюсть, Саша довольно ловко всунул бормашину мне в рот. Запахло горелой костью. Я заорала, но Саша не обратил на это ни малейшего внимания. Посетовав, что у меня очень много слюны, Саша снял бормашину и аккуратно положил ее на пол. Затем залез в карман, достал оттуда серый порошок, бросил его в мячик и ловко разболтал пальцем. После этого он измазал раствором коронку и с силой впихнул коронку в мою челюсть. Цемента было много. Я начала икать и плевать. Тогда Саша, цыкнув на меня, сказал, что надо проверить прикус, покрутил головой, засунул мне руку под зад, оторвал кусок «Вечерки» с табуретки, запихнул грязный ошметок мне в рот и заорал:

– Кусай!

Я укусила газету и закрыла рот. С трудом открыв рот, я выплюнула остатки цемента вместе с газетой. Саша поднял газету, внимательно посмотрел и сказал:

– Прекрасно! С вас десять рублей.

– А что было потом? – спросил я, отдышавшись от смеха.

– Ничего. Ни воспаления, ни боли и никаких проблем. Коронка, как видишь, до сих пор на месте. А Саша продолжал учиться в медине и практиковать у себя в коммуналке. Только после скандала, когда он вырвал зуб у пациентки под наркозом во время подпольного аборта, «чтобы наркоз не пропал», ему пришлось спешно уехать.

– Секундочку! Если он в Штатах, то мы его легко найдем, – сказал я, подав Люсе ворох газет Грааля эмигранта – «Новое русское слово».

Через часок-другой Люся победно вскрикнула:

– А вот и он, Dr. Alex Kobilivker, the owner of dental clinic «Kobilivker Smile Again» in Brooklyn.

Люся, усмехнувшись, оторвала кусок газеты с адресом и сказала:

– Жаль, что нет «Вечерки», а то бы я ему прикус проверила.

Перед отъездом в Одессу Люся заскочила ко мне, широко улыбнувшись с порога белоснежными зубами с новенькой фарфоровой коронкой.

– Саша оказался настоящим одесситом! Мы хохотали, как угорелые! Мою старую коронку работы дяди Додика я подарила ему на память. А он мне вот это! На всякий случай, вдруг фарфоровая коронка будет не такая прочная, как «червонная»!

– Эх, был бы жив дядя Додик, он бы порадовался моей работе, – сказал Саша на прощание.

Разжав ладонь, Люся продемонстрировала блестящий золотой червонец чеканки 1897 года, завернутый в старую «Вечерку». Ума не приложу, где она раздобыла «Вечерку» в Бруклине!

США

